Пушкин А.С. (1799-1837)
Алфавит.-2003.-окт.(№39).-с.4-6.

Безумец бедный

Пушкин погиб вовсе не потому, что кавалергард ухаживал за красавицей

Пушкин. Гравюра В. Фаворского.

Виктор Листов

"Вчера, 29 января, в 3-м часу пополудни, скончался Александр Сергеевич Пушкин. Русская литература не терпела столь важной потери со времени смерти Карамзина".

"Санкт-Петербургские ведомости". 1837

"Когда все ушли, я сел перед ним и долго смотрел ему в лицо. Какая-то удивительная мысль на нём развивалась, что-то похожее на видение, на полное и глубокое знание. Вглядываясь, мне невольно хотелось спросить: "Что видишь, друг?"

Василий Жуковский

I. Бильярд в Михайловском

Ровно за год до гибели Александра Сергеевича, зимой 1836-го, друзья и знакомцы поэта удивлялись и пожимали плечами:

– Да что такое с Пушкиным! Не сошёл ли он с ума? Или сие есть только временное помрачение рассудка?

Что ж, я понимаю их недоумение. Пушкину явно благоволит государь; у поэта – завидная служба, придворное звание; он глава большого семейства; его имя знакомо каждому просвещённому соотечественнику. И вдруг – в каком-то неизъяснимом бешенстве – Пушкин посылает оскорбительные письма и набивается на дуэли с дипломатом Семёном Хлюстиным, членом Государственного Совета князем Николаем Репниным и чиновником Владимиром Соллогубом. Поводы столкновений ничтожны, надуманы. Друзьям с трудом удаётся предотвратить поединки, примирить поэта с мнимыми обидчиками.

Но вообразим себе, что кровавой развязки избежать не удалось, и от руки князя, дипломата или чиновника Пушкин погибает на дуэли уже в феврале 1836 года. Тогда я спрашиваю себя: кто-нибудь сегодня вспомнил бы, как некий кавалергард из иностранцев Дантес в это время начал ухаживать за беременной в пятый раз супругой камер-юнкера? Вряд ли. Но если настоящие причины гибели поэта существовали ещё зимой 1836 года, то, значит, дело вовсе не в пресловутом романе кавалергарда и красавицы.

В последние годы постижение Пушкина сильно отступило перед тем, что Ахматова называла "дантесоведением". Людишки, после школы не перечитывавшие "Капитанскую дочку", берутся рассуждать о верности жены поэта, о тонкостях геккерновской интриги, о любовных притязаниях Пушкина и Николая I к сёстрам Гончаровым. Всё это просто тошнотворно. Бессмысленно. Выдаёт нашу сегодняшнюю "малость" и "мерзость", как говаривал сам Пушкин.

Вот вы, господа, утверждаете, что Пушкин погиб, чтоб досужие языки не трепали имя Натальи Николаевны. Так? А если так, то зачем же вы – прямо вопреки последней воле поэта – обсуждаете его семейные обстоятельства? Я же считаю, что Дантес во всей этой истории был всего лишь слепым орудием судьбы. Не больше. Не читайте дальше, если вам это не по вкусу.

А я приведу эпизод, который мне кажется началом драмы.

Год 1827-й. Псковской губернии сельцо Михайловское.

Молодые безумства Пушкина уже в прошлом. Поэт прощён государем Николаем Павловичем и живёт теперь свободно там, где ещё недавно был ссыльным невольником. Друзья и приятели беспрепятственно его посещают. В сентябре – в гостях у Пушкина студент Дерптского университета Алексей Вульф. В своём дневнике Вульф записал:

"Играя на бильярде, сказал Пушкин: "Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей "Истории", говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову – пером Курбского".

Лёгкая болтовня под стук бильярдных шаров? Нет. Пушкин действительно собирался писать "Историю Петра". Таков, оказывается, вольный замысел вольного поэта. Я думаю, не случаен и мотив возможного соперничества с покойным историографом Николаем Михайловичем Карамзиным. Пером Пушкина история уж никак не будет написана "сухо". А тем более героические и славные времена первого русского императора.

Проходит несколько лет. Июль 1831 года застаёт Пушкина в Царском Селе, в садах Лицея, столь памятных по годам юности. В жизни поэта произошли многие важные события. Написана поэма "Полтава". В Болдине прошлой осенью завершены "Маленькие трагедии", "Повести Белкина", множество лирических стихотворений. Закончен (точнее, навсегда оставлен без настоящей развязки) роман "Евгений Онегин". Александр Сергеевич женат, счастлив и, кажется, не сочиняет ничего, кроме русских сказок.

Крутой поворот судьбы настигает его здесь, в царскосельском парке. Однажды утром, гуляя с Натальей Николаевной, он в дальней и совершенно пустынной аллее встречает царскую чету: утреннюю прогулку изволят совершать император Николай Павлович и его августейшая супруга Александра Фёдоровна. Пушкин кланяется; Наталья Николаевна приседает в книксене, глубоком и почтительном.

Царскосельский парк. А. Мартынов.

Была ли эта встреча совершенно случайной? Не знаю... Всё-таки, я думаю, она была согласована и подготовлена.

Наш первый и лучший исследователь Пушкина Павел Васильевич Анненков свидетельствует, что перед тем *"шёл долгий обмен мыслей в дружеском кругу, который образовался около Пушкина в Царском Селе, и который состоял почти весь из лиц, приближенных более или менее к императорскому двору"*. Этот круг, озабоченный тем, "как определить место, которое следует занять поэту в свете", обсуждал две вакансии: либо место политического писателя (что-то вроде пресс-секретаря правительства), либо место придворного историографа, не занятое после смерти Карамзина. Пушкин в предварительных беседах, полагаю, предпочёл журналистике исторические занятия.

Официальная аудиенция по этому поводу была неудобна и для государя, и для Пушкина. Царь понимал, как хорошо было бы обязать службою бывшего фрондёра, вольнодумца и друга декабристов. Но официальное предложение монарха Пушкин не мог бы отвергнуть без потери лица. И получалось бы, что император насильно облекает поэта в статский мундир. Поэтому, видимо, и была выбрана "случайная" встреча на семейной прогулке.

Пока дамы – императрица Александра и Наталья Пушкина, отступив на несколько шагов, щебечут о своём, царь милостиво беседует с поэтом. Как живёшь, Пушкин? Не нуждаешься ли в чём? Что пишешь? Александр Сергеевич тоже прост, спокоен и доверчив. Всё хорошо, ваше величество, ни в чём не нуждаюсь, пишу русские сказки. Потом разговор почему-то заходит о Петре Великом.

Фрейлина Александра Россет, из того самого близкого к царю дружеского окружения Пушкина, так записала беседу в царскосельской аллее:

"Государь сказал Пушкину:

– Мне бы хотелось, чтоб Король Нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме.

Пушкин ответил:

– Государь, в таком случае я попрошу Ваше Величество назначить меня в дворники.

Государь рассмеялся и сказал:

– Я согласен, а покамест назначаю тебя его историком и даю позволение работать в тайных архивах".

II. Вечность против дня

В этот самый миг, пока никому не слышный, начинает звонить колокол. По ком? Конечно, по Пушкину, который, конечно, ещё ничего не понимает и не подозревает. Поэт счастлив. Царь в заботливости, истинно отеческой, дал ему место придворного историографа. Завидная должность. Князь Щербатов при Екатерине Великой, Николай Карамзин в прошлое царствование – прямые критики монархов, воплощённая совесть времён.

Царское Село хорошо помнило времена недавние – как по утрам государь Александр Павлович стучался в окошко к Карамзину. День начинался с прогулки по аллеям "зелёного кабинета". Император и историограф мирно беседовали. Обо всём на свете – от религиозно-философских материй до маленьких петербургских сплетен. Карамзину при дворе отчаянно завидовали, но авторитет его был непререкаем. Советник царя. Вельможа, достигший высшего положения своими литературными и историческими трудами.

Примерно так, я думаю, виделось Пушкину и его собственное близкое будущее при дворе.

Однако ж в свете и в окружении государя судили об этом предмете иначе. Пушкин – придворный историограф? На месте Карамзина? Оставьте. Как это может быть, чтоб историю Петра Великого у государя писал сочинитель игривых ноэлей и ядовитых эпиграмм, кумир легкомысленных молодых людей и глупеньких уездных барышень! Вот несколько замечаний из переписки и дневников пушкинских современников.

А. Н. Вульф.
Худ. А. Григорьев.

"*Лестно для Пушкина заслужить место Карамзина. Пусть употребляет талант свой на дело полезное, а не на вздорные стишки*" (почт-директор Булгаков).

"*Говорят, Государь сделал Пушкина историографом. Пустили козла в огород*" (чиновник Философов).

"*Сомневаюсь, справится ли Пушкин с Историей Петра. Главное, хватит ли у него терпения читать и думать*" (помещик Языков).

"*Многие сомневались, чтоб он был в состоянии написать столь серьёзное сочинение, чтоб у него достало на то терпения*" (дипломат Н.М. Смирнов).

Об этих мнениях, об этих разговорах у него за спиной Пушкин знал. Увы. Они не были для него безразличны, сильно задевали за живое. Поэт, знаменитый "всемирной отзывчивостью", всё-таки был человеком своего времени и своего круга. От этого не уйти. Когда-то Давид Самойлов сказал: "Мы – дети вечности и дня". Тут не только о нас. И о Пушкине тоже. Как "дитя вечности" он мог презирать глупость и бездарность света. Но как "дитя дня" очень заботился о своей светской чести, о мнениях окружающих. Так и говорил о себе: "я человек с предрассудками". "День" оказывался в его душе сильнее "вечности".

Мало кто верил в серьёзность Пушкина-историографа. Написать официальную книгу о Петре стало для него делом престижа.

С 1832 года Пушкину открыты некоторые секретные архивы империи, в том числе дело царевича Алексея Петровича, убитого по приказу отца. Поэту доступна и хранящаяся в Петербурге библиотека Вольтера с её мемуарами послов, аккредитованных при дворе Петра Великого. Каждое утро отправляется Пушкин в архив. Даже летом, с дачи, ходит пешком для продолжения своих занятий. Читает, делает выписки.

Но "дитя вечности и дня" не может полностью, с головой погрузиться в прошлое, закрыть глаза на текущие события. Параллели – положительные и отрицательные – между революцией Петра и современным состоянием отечества неизбежно приходят в голову, напрашиваются. Там всё молодо, всё кипит, всё мчится со скоростью лихой курьерской тройки; здесь – сонный застой, чиновничье прозябание, едва ли не возвращение к "тишайшей" Московской Руси.

А ведь официальная история неизбежно должна светло и возвышенно сопрягать прошлое и настоящее, показывать кровное родство деяний нынешнего императора и реформ Петра, непрерывное восхождение отечества по ступеням славы. Как всё это совместить? Как угодить царю и не поступиться совестью и самоуважением?

Где-то уже через год-полтора от начала своих исторических занятий Пушкин начинает понимать, какая пропасть разверзается у него под ногами.

С молодых лет он, Пушкин, воспитан в глубоком уважении к "северному исполину", к его реформам, поставившим отечество в ряд с просвещёнными державами.

Казалось бы, эта основная линия "Истории Петра" благополучна, пересмотру не подлежит и с чистой совестью может быть предъявлена читателям? Нет. Можно говорить о коренном изменении образа Петра I в сознании Пушкина. Прикоснувшись к массе источников конца XVII и начала XVIII столетий, придворный историограф испытывает постоянный шок. Оказывается, "славные дни Петра" омрачены мятежами и казнями далеко не только в начале. Пушкин с ужасом узнаёт подробности дел царевича Алексея, царицы Евдокии Фёдоровны, камергера Виллима Монса и многих других, менее заметных жертв своего героя.

Неопровержимые документы и мемуары иностранцев свидетельствуют о бесчеловечном эксцентризме государя, о воровстве и взяточничестве при дворе, о доносах, о повальном пьянстве, насаждаемом самим императором. Разгульная жизнь Петра и "птенцов" его гнезда отмечена дикими выходками, грубыми столкновениями, открытым содержанием метресс наряду с законными жёнами и многими подобными явлениями. В один из своих приездов в Москву Пушкин беседовал с актёром М.С. Щепкиным и сказал ему:

– Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которые я не могу согласить с личным моим к нему уважением.

Таких свидетельств глубокой перемены отношения Пушкина к Петру очень много. Рушится весь имперский миф о Петре, из фундамента этого мифа приходится вынимать то один, то другой камень. Всю глубину пушкинского разочарования можно понять, если вспомнить: придворный историограф должен написать официальную, по необходимости апологетическую книгу о Петре, т. е. о человеке, которого не уважает. Тут вырисовываются черты трагедии Пушкина, которого служебное положение толкает к сделке с собственной совестью, ко лжи.

В годы правления Николая I насаждается культ Петра. Сам государь говорил об этом прямо, без обиняков: "*Лицо Императора Петра Великого должно быть предметом благоговения и любви*". Должно быть – и всё. А как же русская пословица: "Насильно мил не будешь"? Как же страницы документов, с которых встаёт образ тирана, разбивающего подданным зубы на допросах? Как быть с десятками тысяч душ, загубленных в болотах при строении новой столицы? Их стоны и проклятья будто бы не смолкают и сейчас, век спустя.

Не слышать? Забыть?

Перо выпадает из рук. Несносно.

Другие работы идут. Поэма "Анджело", повести "Дубровский" и "Пиковая дама", стихотворения. Всё пишется. "История Петра" – нет. Проходят месяцы, потом и годы, а на бумагу ещё не легло ни одной готовой строки из жизнеописания первого российского императора. Проклятие какое-то. Надо ведь не только прославить Петра, но ещё и показать нынешнего царя как благодетельного реформатора, как прямого преемника петровского наследия. Николай, милостивые государи, – это сегодняшний Пётр. Вот. Без того не будет августейшего одобрения, книга света не увидит. А на самом-то деле поводов для провозглашения Николая продолжателем дела Петра остаётся всё меньше и меньше. После революции во Франции, после восстания в Польше и холерных бунтов в России Николай Павлович сильно остыл к реформам. Преобразования прекращены; остался только пустой культ предка.

В 1833 году Пушкин выпрашивает у начальства отпуск для поездки по Волге и Уралу. "*Путешествие,* – пишет он, – *нужно мне нравственно и физически... Необходимо месяца два провести в совершенном уединении*". Тряское лоно кареты, грязь и суета почтовых станций, хмурые нумера провинциальных трактиров – всё это лучше , живее мундирного, холодного Петербурга, в котором надобно помалкивать, ходить по струнке.

А. Пушкин.
Карикатура неизвестного художника.

Конклюзия на престолонаследие. Миниатюра Г. Мусикийского.

В одной из поездок по следам пугачёвского бунта Пушкина сопровождал врач и писатель Владимир Даль. Будущий составитель толкового словаря русского языка вспоминал, как поэт через два года от начала работы рассказывал ему о замысле – всего только о замысле! – истории Петра:

– Я ещё не смог доселе постичь и объять вдруг умом этого исполина... Чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно.

Несвобода, в которой век тому назад жили подданные императора, как бы настигает поэта. В его душе растёт тревога. Страшно жить; страшно возвращаться в Петербург. На обратном пути домой Пушкин надолго останавливается в своём нижегородском селе Болдине. Тут слагаются строфы петербургской поэмы, которая потом получит название: "Медный всадник". Болдинской ночью, в тишине старого барского дома, в бессоннице – поэта преследует всё тот же, ставший уже привычным, призрак:

И во всю ночь безумец бедный
Куда б стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжёлым топотом скакал...

О ком это? Только ли о безвестном петербургском чиновнике Евгении? Не различим ли тут след собственных, личных ужасов Пушкина, настигаемого повсюду тяжёлым фантомом заданного труда – труда о Петре, царственном всаднике?

III. Государь милостив. Но...

По возвращении в Петербург под новый, 1834 год Пушкина ждёт тяжёлый удар: царь жалует его невысоким придворным званием камер-юнкера. Нового камер-юнкера друзья обливали холодной водой. Будучи вне себя, он хотел идти во дворец и наговорить дерзостей самому царю. Дело тут было вовсе не в карьерных претензиях. В звании камер-юнкера, бывало, доживали свой век почтенные старцы, крупные чиновники. Но, пожаловав камер-юнкерство Пушкину, император показал, как низко стоит при его дворе должность историографа. У Пушкина окончательно обрушивалась идиллия, выраженная строчкой: "Царю наперсник, а не раб". Ему грубо указали его скромное место между другими придворными и чиновниками.

Узнав о пожаловании, петербургский свет вздохнул со злорадным облегчением: вот видите, Пушкин всё-таки не Карамзин, мы же это сразу говорили; не в свои сани не садись. Да-с...

Давно, ещё в Кишинёве, начальство за молодые проказы частенько сажало Пушкина под арест. Однажды его, отбывающего наказание, навестил сослуживец, князь Павел Долгоруков, и посочувствовал: тяжело, мол, сидеть взаперти. На это Пушкин ответил:

– Я предпочёл бы остаться запертым на всю жизнь, чем работать два часа над делом, в котором нужно отчитываться.

Теперь, с "Историей Петра", Пушкин получил подотчётное дело не на два часа, а на долгие годы. И